

Шура Белочкин

А Г О Н И Я
БЕЛОГО КАРДИНАЛА

Хотел бы садом быть.

Р.М. Рильке

Хотел бы морем водки быть,
Все реки в пиво превратить,
И самого себя как из стакана
Напором мощным океана,
Безумным залпом жадно пить.

Б.К.

1. СКЛИФ

Его надо было остановить! Начиналась белочка. Всё уже было перепробовано. Но когда он опять направился к двери, чтобы выйти в ночь в поисках водки, вдруг какая-то неведомая сила швырнула его на пол и внутри, пониже колена, что-то хрустнуло. Это был двойной винтовой перелом. Остановили.

В СКЛИФ¹ он попал без сознания, и когда той же ночью, придя в себя, попытался слезть с кровати, обнаружил, что это никак не удастся. Он ещё не знал, что левая нога поставлена на вытяжку: когда ставили, был в таком состоянии, что даже боли не чувствовал. Несколько часов он пытался освободить ногу и даже дотягивался до какой-то струны, но ее так и не удалось разорвать. Приковали.

Теперь боль в сломанной ноге стала такой сильной, что заглушила другую боль, равной которой нет в этом мире, и он забыл о святой заповеди: не похмелился, хотя такая возможность была. На третий день случилось то, что и должно было случиться: не только вещи и люди, но само пространство и время деформировались... А ночью начался ад: спящие пациенты стали готовиться к нападению; один, главный, строго периодически подавал трубные звуки и, наконец, все кровати двинулись на него. До утра как-то продержался, но, чётко осознав, что следующую ночь не выдержит, все-таки заставил лечащего врача освободить ногу, упирая на то, что в демократическом государстве не имеют права приковывать человека. Но это не помогло, днём галлюцинации продолжились, против него опять зрел заговор, и тогда он решил бежать из больницы. Сделать это было легко, потому что ближайшее окно на восьмом этаже превратилось в парадный вход, и к нему на машине подъехали друзья. Но когда он уже совсем собрался выйти к ним поздороваться, врачи, наконец, поняли, что надо лечить совсем от другого, спохватились и быстро перевели его в спецотделение с окнами в железных решетках.

Здесь, под капельницей, испытывая невероятные муки, он попал в *четырёхмерное* пространство. Сознание стало распадаться-

¹ Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, который считается по праву лучшей больницей в стране, а может и во всем мире.

ся, и в крошечной тьме остался только маленький уголок света. Оттуда шли лучи, и ему казалось, что это Божья Матерь зовёт его. Видно, кто-то уж так молился за него! Надо было, во что бы то ни стало, идти к этому свету, поэтому он упал с кровати на пол и пополз. Его возвращали назад, укладывали, но через некоторое время он опять с грохотом падал на пол и полз к свету, всем своим существом чувствуя, что только там спасение. Разъяренный санитар пинал его ногами, гнал обратно, пока, наконец, накрепко не привязал к кровати. И всё-таки чудо произошло: он вырвался из хаоса и сохранил разум. Потом зав. спецотделения говорил, что случай был критический, еще раз, и конец.

После консилиума, убедившись, что память к нему вернулась, врачи перевели его обратно. А через несколько дней провели сложнейшую операцию, правда, забыли на ночь сделать обезболивающий укол. Дежурная сестра, сказав, что у него «отходняк», ушла куда-то на другой этаж веселиться. Помощи было ждать неоткуда, а кричать стыдно перед людьми. Боль была такая чудовищная (а он-то думал, что нет ничего страшнее похмельной), что приходилось периодически колотить сломанной ногой по полу, чтобы хоть на мгновение её утихомирить. Ночью от этой боли опять вернулись галлюцинации, он уже, видимо, отходил, когда под утро прибежала дежурная сестра и сделала укол. Когда утром у кровати собрались врачи, всё было в крови, но жаловаться на сестричку не стал, все-таки спасла.

2. Смерть Учителя

А спустя некоторое время, всё еще находясь в СКЛИФе, он узнал о смерти Учителя. С Учителем сложились особые отношения: сколько раз он выручал и спасал его в те моменты, когда, по выражению Кардинала, «страшнее жизни смерти нет». Не реже одного раза в месяц, в самых критических ситуациях приезжал или приползал к нему домой и занимал деньги. Дошло до того, что он помнил только один телефон, телефон Учителя, который не стирался из памяти даже при начинающейся белочке. Однажды, открыл сын Учителя, и вместо того, чтобы сразу дать денег и отправить восвояси, налил водки, после чего пришлось Кардинала укладывать спать. Проснувшись ночью, он нашел в комнате бутылку церковного вина, сразу выпил, тихонько прополз в кабинет Учите-

ля и отключился. Велико же было удивление Владимира Александровича, когда проснувшись, он увидел на полу рядом с диваном спящего Кардинала. По дороге в метро (в этом доме двери всегда были открыты, и было принято встречать и провожать гостей), он пытаясь приободрить Учителя, робко дотронулся до его плеча и сказал: «Наступит время, и вы будете мною гордиться». На что тот совсем просто ответил: «А я уже горжусь».

В последний раз уже смертельно больной Учитель (жить ему оставалось всего несколько месяцев) спас его во Флоренции, где проходил очередной конгресс. Нашел и вывез оттуда полуживого. Надо же было такому случиться, что встретился там со своим давним другом-однокурсником, Толиком. А потом, в первый же день открытия конгресса, вечером, состоялся прием (*Reception*), где он впервые в жизни по-настоящему испугался: в огромнейшем «Зале карабинеров» на открытом воздухе по всему периметру стояли двухметровые гирлянды отборного итальянского вина. Выпил лошадиную дозу и с собой взял. Это вам не Швеция, где при входе давали только по одному маленькому стаканчику вина. Правда, там еще показывали, где вручают нобелевские премии.

В итоге всё закончилось самым печальным образом: исчезло время. Когда приехал, когда уезжать – всё пропало. И Рим тоже. Последнее, что запомнил, это какой-то бар у дешевой гостиницы, где остановились на одну ночь. Когда все пошли знакомиться с Римом, он зашел в этот бар и, держа в руке последние деньги, с трудом произнес: «Водки». Бармен взял малюсенькую рюмку и налил, наверное, грамм 25, но, заметив изменившееся выражение лица Кардинала, спросил: «Russian?». «Yes», – ответил тот. Тогда бармен автоматически поднял руку к верхней полке и достал оттуда граненый стакан. Потом Кардинал записал в своем дневнике: «Я видел Рим! А не “Свиную харю”». “Свиной харей” назывался привокзальный ресторан в г. Могилеве.

Скрыть, что умер Учитель, жена никак не могла. Ей даже разрешили забрать его на один день домой, но Кардинал вовремя сообразил, что дома со сломанной ногой вариантов никаких... Лучше это известие пережить здесь, а утром поехать прямо в Институт на гражданскую панихиду. Вечером удалось достать водки, и началось. Утром, уже опохмеленного, его на костылях привезли в Институт, там он простился с Учителем, от имени учеников произнес речь, и между делом, настрелял денег.

Начался запой, а достать водку в СКЛИФе не проблема, охранники бегали, да, и сами не в накладе. Главврач, мужик с пони-

манием, пожаловшись на депрессию, попросил только не спаивать обслуживающий персонал. Спойл за неделю всех, и первым упал санитар. Палату расформировали и позвонили жене, чтобы срочно забирала, а то выкинут на улицу. Практика для СКЛИФа самая обычная. Раньше Кардинал уже побывал в одной такой палате. Там, кроме него, лежали ещё двое: молодой парень, которому милиционер дубинкой разнес плечо, и пожилой моряк, который, будучи проездом в Москве, нажрался, упал и разбился. Оба, конечно, алкоголики. Парень никак не мог дождаться операции, её почему-то все время откладывали, и очень переживал. А моряк все время рассказывал морские истории. Самая интересная была о том, как одного человека проглотил кит, а он после этого оказался не только живым, но даже помолодевшим. В сущности, моряк рассказывал библейскую историю о пророке Ионе, побывавшем в чреве кита, но добавлял при этом такие красочные детали, что усомниться в том, что это произошло с его приятелем, было просто невозможно. В любом случае, библейская история оказалась былью.

Жили они тихо и душевно, пока не подошел день выписки моряка. Накануне ему вернули одежду и разрешили ночевать в палате, до того времени, пока за ним не приедут. А в пиджаке-то были спрятаны приличные деньги... Как только Кардинал не угваривал, не матерился, зная, чем всё это закончится – ничего не помогало. Наконец, смирился и стал смотреть на то, что видел тысячу раз. Пили они несколько дней, а когда утром пришли готовить парня к операции, он оказался совершенно пьяным. В довершении ко всему, в этот момент еще и моряк упал с койки, а Кардинал накрылся с головой одеялом, чтобы не видеть всего этого ужаса. К нему кинулись – но он, в кои-то веки, оказался трезвым. Вызвали охрану, ту самую, которая бегала за водкой, ребят вынесли и бросили у входа. Когда вечером в больницу пришла жена, они скреблись у двери, узнали ее, обрадовались, и стали просить, чтобы она провела их обратно в палату. Что с ними дальше было – неизвестно.

А теперь вот и его вынесли. После СКЛИФа, да ещё без похмелки (умолял жену купить хотя бы бутылку пива, но бесполезно) и с незажившей ногой, было совсем тяжело. Опять что-то случилось со временем: попал Кардинал *в прошлое*, аж, на четыреста лет назад и оказался на каких-то островах, кажется, в Ирландии. Один абориген, весьма сурового вида, в ответ на вопрос, как отсюда выбраться, сказал, что надо пройти через большой чёрный лес к берегу. И показал рукой туда, где далеко-далеко виднелась чер-

ная полоска. «Ну, ладно, – подумал Кардинал перед тем, как тронуться в путь, – доберусь я до Московского Царства, там, кажется, и Романовых ещё нет, а дальше что? Ведь меня так ждут...». И пошел.

3. Реаниматор

А через две недели, когда выкарабкался, вдруг позвонили из СКЛИФа и сказали, что они *своих* не бросают, привозите на консультацию. Съездили несколько раз. А тут и Благовещенье-50 подошло, день рождения. Стал было качать права, что полтинник все-таки, полвека, надо справить, но жена ни в какую. Пришлось смириться, да и денег нет. Собрались только близкие родственники. Все равно нажрался, утром похмелиться нечем, на ноге рана открылась, оттуда торчит какая-то железка, в магазин не пойдешь. Но главное, что же это за “огонек” без друзей! Всю жизнь это было самым главным. Еще в детстве нашел какую-то книжку про Древний Рим и там прочитал, что во время пожара один римлянин вынес первым друга из горящего дома, а жена и дети погибли. И это у них считалось достойным подражания. Вот он идеал на всю жизнь. Первый тост, а последний тем более, всегда был только за друзей, сколько раз на праздниках, вставал и говорил при жене: «Главное – друзья». Это был образ жизни. А сейчас никого: ни Миши из Питера, ни Лэна из Могилева, ни Толика из Киева, ни Стаканбека из Твери. Никого! И тогда он решил, что если доживет до Благовещенья-60, то отыграется. А пока на костылях ночью, когда жена спала, ходил в магазин за водкой. Закончилось это как всегда Наркомедом.

Вот тут и произошло в его жизни огромное событие, почти чудо. Приехавший нарколог оказался реаниматором по основной специальности и к тому же экстрасенсом, использовал какую-то секретную методику. Собою он был просто на удивление хорош: высокий стройный блондин с голубыми глазами. Жена сразу сказала, что он похож на рыцаря. А Виктор Васильевич и вправду оказался рыцарем: отважно вступил в схватку с самим Белым Кардиналом! Для начала Реаниматор установил на столе какой-то черный чемоданчик с проводами, включил его, и решительно выпроводив из комнаты жену, строго настрого приказал ей ни в коем случае в комнату не входить, чтобы там не происходило... А

дальше случилось нечто невероятное: по какой-то чудовищной разноцветной спирали его выкинуло в Космос, и он начал там растворяться. Постепенно наступал покой, но вдруг послышались голоса, которые стали сговариваться взорвать Вселенную. Ужас, ничем непередаваемый ужас, охватил его перед наступающей гибелью Вселенной, и он закричал так страшно, что, казалось, вот-вот обрушится потолок. Жена попыталась ворваться в комнату, но Реаниматор ее не пустил, а крик всё продолжался – это Белый Кардинал с диким ревом выходил из распростертого тела. Но, улетающая, видимо, полоснул Реаниматора своим острым хвостом, потому что вскоре Виктор Васильевич заболел и исчез.

А вот Кардинал еще не раз возвращался, цеплялся за жизнь, хотел быть рядом, иногда ждал у пивной. Но он постепенно слабел и был уже не тот, как при первом своем появлении. Так началась агония Белого Кардинала.

4. Белая горячка

Эта белочка случилась на пустом месте. Из запоя, кажется, удалось сравнительно легко выйти. Думал, опять проскочил.

В Москве проходила очередная научная конференция. Начал со Стаканбеком, всего каких-то пять кружек пива. И понеслось... Два дня как-то прокантовался, а на следующий, чтобы сэкономить, и опять не кодировать (а за это, как и за остановку – сто баксов), жена поехала к врачу-наркологу 5-ой категории, вдове его друга-земляка, который спился и пропал. Она дала шприцы и несколько флаконов какой-то жидкости. К вечеру ввели ему полтора флакона, и жена легла спать. Он уже было совсем успокоился, но через час резко возбудился и почувствовал непреодолимое желание выпить. Что там произошло, какая реакция началась, неизвестно. Вспомнил, что накануне рассовывал по всей квартире бутылки на черный день, в надежде, что не все найдут, и стал лихорадочно искать. К счастью, нашел на кухне бутылку вина, но оно было слабенькое, и к ночи стало совсем невмоготу.

На крайний случай деньги всегда были спрятаны, поэтому быстро оделся и пошел в ночной магазин. Решил особо не усугублять и купил только две бутылки сухого вина. Ключи и очки забыл дома, но код был записан на бумажке и пришлось ждать прохожего, чтобы его набрать. Вино быстро закончилось, он опять побежал

в магазин и опять забыл ключи. На это раз взял бутылку водки. Наступило утро, и открылся магазинчик рядом с домом, где ему всегда давали в долг – нужно было спешить, вот-вот проснется жена. Там взял литровую бутылку какой-то гадости, правда, крепкой, но когда подошел к двери, понял, что жена уже встала. Тогда он сразу выпил треть бутылки, а остальное спрятал в ящике над дверью для электропроводки, который и раньше использовал.

Такого еще никогда не было: возбуждение росло, пить хотелось всё больше и яростней, а время стремительно сжималось. Интервалы между глотками быстро сокращались: час, полчаса, 20 минут, 10 минут, 5 минут – еще немного и произойдет коллапс. На каком-то подсознательном уровне понял, что дело совсем плохо и сам попросил, чтобы срочно везли в наркологическую больницу, благо, ровно месяц назад там был. Пока ждали такси, все время выбегал на площадку, якобы, курить.

Последнее, что помнил, это страшную морду водителя, который левой рукой потянулся за топором. Дождавшись, когда такси притормозило, выскочил, перевернулся и побежал, но с помощью прохожих его всё-таки удалось поймать, посадить и довезти до больницы. Вышел главврач, сразу всё понял и тут же поместил в реанимацию. Жена сунула сестре деньги, и его без очереди стали колоть. Потом, уже в самом отделении, к нему подошел какой-то наркоман и рассказал, что его постоянно носили с койки на стол и обратно. Сам он ничего не помнил – всё время был без сознания.

5. Больница

За последние два года уже четвертый раз он оказался в спец-больнице. Именно здесь стал курить и научился делать чифирь. Практически единственное, что разрешают в таких больницах – это курить, с утра до ночи и ночью тоже, а чифирь – это спасение, сколько бы не пил, от него никогда не болит сердце и психически очень помогает, непонятно, почему запрещают. В этой больнице было маленькое платное отделение, где имелся умывальник и розетка. Чай достать не проблема, главное кипятильник – и тогда ты король.

В последние годы в наркологических больницах лежат одни наркоманы, молодежь, и, в основном, заспидованные. Алкоголиков, которых здесь совсем мало и которые намного старше, наркоманы

презирают и, вообще, за людей не считают. Зато среди наркоманов встречаются бандиты и уголовники, с которыми приходилось не раз общаться. Кардинала не то, чтобы приняли за своего, но уважали за редкую алкогольную страсть. Однажды наркоманы с помощью его мобильника, который удалось пронести, потому что алкашей не так строго обыскивают, соорудили “коня”, т.е. подняли по леске в форточку на пятый этаж наркоту и шприцы. И полная победа, отключка, кайф, улет. Не надо суетиться, вечно мучиться с похмелья, бегать по ночам в магазин. Одна только возня с бутылками, которые надо прятать, а потом искать, чего стоит! Но вот дилемма: сразу уйти, как наркоманы, или помучиться, как алкаши. Лучше, конечно, помучиться, но сколько можно?

Однажды на пятаке, возле пивной на перекрестке Лялина, Чернышевки и Чаплыгина, опохмелившись, решил, что хватит упираться, пора всё бросать. Как хорошо будет на работу не ходить, не возвращать после запоя полностью потерянную память, ни о чем не думать и, вообще, никаких забот. Только бы дожидаться рассвета и на пятак, где похмелька всегда найдется, и куда каждый день ходил его старый приятель Акробат. Как-то в гостях у Акробата, Кардинал познакомился с его сестрой, тоже алкоголичкой, а она, буквально, на следующий день покончила с собой. Наутро весь пятак лежал, а Кардинал почти полз по Лялина домой, когда к нему подъехала милицейская машина. Менты хотели его забрать, но услышав, что повесилась сестра Акробата, не стали связываться с такой информацией, тем более, что Акробата они хорошо знали: он у них подрабатывал. Наверное, поэтому, когда однажды милиция окружила и забрала для отчетности весь пятак, Акробата выпустили почти сразу, а Кардинала – самым последним. Впрочем, закончил Акробат всё равно плохо: его отвезли в Кашенко, и от белочки спасти уже не смогли.

Накануне выписки из больницы Кардинал, ну, и живучим оказался, устроил прощальный “огонёк”, хотя прошло всего пять дней. Два дня ему приносили водку, и все, кто хотел, напился, причем не обошлось без эксцессов. На утро выписали, и сразу побежал к ларьку, а опохмелившись, стал соображать, что делать дальше. Впереди маячила глобальная проблема, проблема всех проблем: оставалось чуть меньше года до юбилея, до Благовещенья-60, что означало два банкета подряд: в бане и затем в Институте. Если доведется до них дожить, то это совсем не случайно.

6. Остановки-кодировки

По выходе из больницы ему сделали очередную кодировку (№ 16), как всегда на год и как всегда бессмысленную, хотя она была сделана по какой-то новой продвинутой технологии, под лопатку. Теперь главное продержаться до намеченных банкетов, т.е. не пить, а там, как фишка ляжет. Да и что пить? Завод уже идет от ста грамм водки, от одного стакана вина, от кружки пива. А, ведь, когда-то после первого курса, в стройотряде, уже пьяный, выпил залпом две бутылки водки одну за другой, потом всю ночь от возбуждения не ложился спать, а утром поехал похмеляться. В другом стройотряде, на Сахалине, научился никогда не разводить чистый спирт, а после третьего (вот, где спивалась студенческая молодежь!) он вообще установил рекорд МГУ: в баре около Киевского вокзала выпил на спор сорок кружек пива.

А сейчас запой длится не два-три месяца, как раньше, а всего два-три дня, после чего надо срочно вызывать нарколога. От частых прерываний запоя (иногда приходилось по два раза в месяц, а один раз пришлось вызывать дважды в тот же самый день: врачиха попалась молодая, неопытная, недооценила. И когда приехала второй раз, то писклявым детским голоском кричала: «Отдайте водку, отдайте водку». Хрена ей, не отдал) сама «остановка» превратилась в наркотик. Только звонили в дверь, выпивал с горла последнюю дозу, для этого как раз оставленную, и услышав знакомый голос нарколога, тут же засыпал. Потом кайф. Проблема состояла лишь в том, чтобы периодически приподнимать ко рту двухлитровую бутылку холодной газированной воды и вновь спать, спать, спать. Но через двое суток всё равно начинается похмельный синдром. Если перед этим пил недолго, то еще можно как-то продержаться, но если запой шел неделю – приходится терпеть неизменно, чтобы потом, якобы в нормальном состоянии, выйти на улицу и там что-то глотнуть. А если денег вообще нет? Было благословенное время, когда для такого случая в холодильнике стояла бутылка пива...

К тому же после остановки теперь надо обязательно делать повторную капельницу. Во дворе одна девица хвасталась, что сама себе делает капельницу, и обходится ей это в копейки, даже предлагала за бутылку помочь. Конечно, лучше всего прерывать запой в больнице, дома бывают накладки, но для этого придется провести там остаток дней... В 2002 году дома после остановки началась

белая горячка, а после другой – случился микроинсульт: опять попал в прошлое. Но самое печальное, что кодировки ему давно уже не помогали. Это первая может пройти, редко – вторая. После первой держался четыре месяца, а потом узнал, что друг умер... Сам чуть не загнулся, хорошо, что в коммуналке, где поминали, оказалась врачиха – спасла. После этого в дневнике у Кардинала появилась запись: *«Пылает ночь! Взорвалась кодировка последней тысячи веков...»*. А после кодировки № 10 на второй день купил водки и пошел в баню отметить сей своеобразный юбилей. Даже выдавшие жизнь мужики как-то озадачились, но выпили. Что хуже всего – так это сразу после кодировки пить водку.

Однажды, желая показать жене, что он почти вылечился, решил САМ прекратить запой. Муки невыносимые. Смотрел на часы и растягивал интервалы между глотками сначала на минуту, потом на 5 минут, на 10, на 20, на полчаса, на час, на два часа. Дальше пошло легче. Эксперимент очень опасный, в день выкуривал по несколько пачек крепких сигарет, но выскочил. Тогда и записал в дневнике: «Если Господь дает испытания по их силе, то их больше нет». Всё равно в конце месяца пришлось вызывать нарколога, а потом – опять и опять.

И ни одной бани не пропустил, чтобы не напиться.

7. Русские бани

С русскими банями его познакомил Слава, шурин. Он погиб, как раз в тот день, когда Кардинала отвозили в очередную больницу. Во время похмелья хлынула кровь горлом. Сказали ему о смерти шурина только после выхода из больницы. Жуткая закономерность: когда он в больнице, обязательно кто-то умирает из друзей, как будто вместо него. Так в больнице он узнал и о смерти Льва Б. А со Славой они отличились еще в Машковских банях, когда стали пить в самой парилке, а однажды под закрытие, совсем отказались из неё выйти. Банщика они так достали, что он, совсем взбешенный, открыл печку и направил туда струю из шланга. Еле-еле удалось сползти вниз. Удивительно, как после этого ночью не остановилось сердце. Однажды со Славой они за один день сходили в две разные бани...

В советское время бани были единственным местом, где человеку можно было спокойно выпить, напиться и даже выспаться. Там все равны: профессор, врач, капитан 1-го ранга, предприниматель, работяга-грузчик и последняя подзаборная пьянь, каким многие считали Кардинала. Все равны, и все друзья – в этом и есть высший смысл русской бани. И никаких сексотов. А в их бане образовался настоящий мужской клуб из постоянных посетителей, человек 25-30, где он научился играть в домино. И, наконец, только в русских банях люди разных национальностей становятся земляками.

А лучше всего в бане с похмелья. Все праздники тоже справляются там, как календарные, так и семейные: именины, крестины, поминки, а особенно дни рождения и юбилеи. Особый случай, когда пятница выпадает на 31 декабря – это настоящий праздник, но для сильных духом, поскольку в этом случае Новый год дома, как правило, пропадает. Хорошо, если разбудят за пять минут до курантов, чтобы не успел нажраться...

Кардинал ходил туда почти на весь день, а если в запое, то от звонка до звонка, пока не приходилось срочно увозить домой. Засветился он там сильно. Как-то на очередном дне рождения напился так, что, выходя из парилки, потерял сознание, упал на ребро каменного столба и глубоко рассек голову. Подобное уже бывало раньше: дважды разбивал голову о бордюрный камень. А вот брату-близнецу, Василию, одного раза хватило – тоже упал и вскоре умер. Ему же, хоть бы что, и как всегда повезло: в бане оказался врач-афганец, а при нем иголка с ниткой. Зашил рану, и друг-однополчанин отвез домой. Когда добрался до кровати и стал прятать бутылку водки, снова отключился. Проснулся, а водки нигде нет. Ровно через неделю, сказав, что пошел в поликлинику на перевязку, с забинтованной головой опять рванул в баню, быстро опьянел, и вся баня следила, грохнется опять или нет.

Кстати, это была уже вторая травма в бане. Год назад перед этим, вернувшись из командировки, он нашел спрятанные на похмелку деньги и бросился в баню, хотя это была и не пятница. Похмелился и заснул. Разбудил приятель банщик, выпили. Пошел в парилку, там, наверху, упал и сломал ключицу. В качестве обезболивающего банщик влил в него полторы бутылки водки и позвонил жене. А как-то ночевал в бане три дня подряд. Один банщик так его зауважал, что, когда сам напивался, то обязательно ложился спать на то место, где обычно располагался Кардинал. Жаль, выгнали. Одним словом без бани жить нельзя, недаром тут многие

говорят: «Живу от бани до бани». А недавно, вываливаясь из парилки, пар был жесточайший, услышал за спиной: «Жизнь удалась!». Лучше и не скажешь. А ещё в парилке при самом жестоком паре иногда поют “Варяга”. Так было в Доброслободских банях, так сейчас и в Ржевских.

8. Весь в белом...

Какое-то внутреннее чувство говорило ему, что после Благовещения-60 может произойти все, что угодно, и что-то обязательно произойдет. Поэтому надо было успеть выложить в Интернет всего «Белого Кардинала». Это дневник в стихах с 1973 по 1996 гг. Кстати, сам Белый Кардинал появился в январе 1982 г. Провожал друга в Киев, и там же с ним оказался, а когда через неделю вернулся домой, то обнаружил, что привез с собой еще кого-то внутри. Это и был четырехметрового роста Белый Кардинал. Окончательное знакомство произошло ночью, поскольку похмелье было нечем, он поймал белочку и тогда впервые услышал эти слова: *«Единственный <весь> Белый Кардинал, который состоялся»*. Да, чего только не водится во всех возможных и невозможных мирах...

Явившийся “откуда-то из ниоткуда” Белый Кардинал сразу подчинил его своей воле и заставил писать стихи. Да, да, это он их нашептывал, наговаривал, и ночью, когда на костылях ходил за водкой, и утром, когда умирал с похмелья, и днем в пивной. Бывало, что не успевал записать, да и трудно было записывать – так сильно дрожали руки. Приходилось все время повторять про себя, чтобы не забыть. Но иногда всё сгорало. Чтобы прервать цикл: “запой – остановка – стихи”, однажды ночью, поскользнувшись на костылях у магазина и разбив бутылку, купленную за последние деньги, он решил прекратить писать стихи. В нечеловеческой борьбе с Кардиналом решил пожертвовать стихами.

Всё, надо стоять. До юбилея осталось чуть-чуть, и теперь главная задача – не сорваться накануне (как это обычно бывает у хроников перед важным мероприятием), не поймать белочку, не оказаться в больнице, не отбросить копыта. Ведь все, все уже приглашены. Хотя искушения были сильнейшие и совершенно непредвиденные, например, пошел дождь... Нет, надо стоять. Главное юбилей, *банкет*.

К концу предюбилейного года – страшное пике. 30 декабря в пятницу, пришел в баню уже пьяный. Наступило 1 января 2006 г. Кое-как продержался на водке до вечера и затем пошел, в только что открывшийся в “Сокольниках”, пивной ресторан. Оказался первым, и принимали, как дорогого гостя. На следующий день состоялась очередная кодировка (№ 17), но перед кодировкой к неопишуемой своей радости обнаружил спрятанную бутылку “Парламента”. Это ли не чудо. Только почему-то всё стало одеваться в белый цвет даже в трезвом состоянии: стоит только прикрыть веки, как сразу же появляется снежная целина. А когда резко открываешь глаза, то краешком успеваешь заметить чью-то ускользающую тень...

И добрался, все-таки добрался до юбилея. Именно в пятницу, в банный день, на Благовещенье исполняется 60 лет! Ежу понятно, что это не случайно. Весь ход мировой истории вел к этому...

9. Благовещение-60

Наступило 7 апреля. Жена сказала, что в Благовещенье, да ещё в свой день рождения, надо обязательно идти в церковь, все-таки крещенный.

Из всех трех церквей недалеко от дома выбрал “Покрова Пресвятой Богородицы”. Она хоть и огромная, но тихая, как-то сразу успокаивает. А главный аргумент тот, что настоятель здесь – сын В.Ф. Асмуса, у которого на первом курсе слушал лекции по древнегреческой философии и которому сдавал зачет. Редкой доброты был человек. А еще раньше, в армии, попался на глаза один из первых советских учебников по логике, написанный В.Ф. Асмусом. Так что круг замкнулся. Исповедался у настоятеля, затем причастился, и в самом конце литургии целовал крест. Грешен, страшно грешен.

Вернувшись домой, взял ещё денег, хотя накануне было много всего закуплено: для одного мужика, который лучше всех готовит парилку, но пьет только пиво, специально купил два ящика импортного пива. Деньги были нужны, потому что решил напоить всю баню, а не только своих из клуба. Ведь, некоторые приходят к открытию и рано уходят, поэтому надо успеть. Основная масса приходит днем, это и есть банный клуб, а часть хороших друзей приходит вечером, значит, для них тоже надо накрыть стол.

Вот со столами как раз повезло. Дополнительные столы и стулья привез Боря – бизнесмен, большой авторитет в бане.

Боря, уже пьяный, и открыл банкет, сказал тост, и подарил огромную бутылку виски на железной качалке, чтобы легче было наливать. Что-то у Кардинала сразу екнуло под сердцем, но некогда было рефлексировать. Затем поднялся Иваныч, капитан 1-го ранга, по прозвищу «Адмирал», самый старший. Свою короткую речь он закончил оригинально: прочел Кардиналу его же собственные стихи. И, наконец, третий тост с несколько обиженным видом сказал Однополчанин, простой работяга, но непьющий. С ним вместе служили в армии, а много лет спустя, когда Кардинал уже давно жил в Москве, однополчанин узнал его в Машковских банях. Потерялись, потом опять случайно встретились в Доброслободских банях. А где же ещё, как не в бане, можно случайно встретиться однополчанам? Что бы он только без него делал! Ведь, столько раз на себе тащил домой.

После речей пошли подарки: наборы рюмок, фужеров, бокалов, пивных кружек, кружек с крышками, чтобы не выдыхалось..., и т.д., и т.п. А еще подарили огромный бокал, в каких рыбок для красоты разводят, и вылили туда бутылку вина, которая только дно прикрыла. В голове сразу пронеслось «П...ц». Так с этим бокалом и ходил, всё время подливая, и повторяя про себя: «Надо стоять...». Где-то в середине банкета Кардинал прочел “на бис” самые известные стихи, можно сказать классику:

*«Я не знаю, не знаю,
Только бы не упасть!
Поднимались бокалы,
Наполнялись опять...»*

Это всегда означало новый запой. Вдруг к нему подполз какой-то пьяный мужик, из утренних, и сказал, что друг давно лежит на улице, нужны деньги на такси. Да, сколько хочешь, какие проблемы. Оставшуюся водку раздал: банщику две штуки, еще кому-то на похмельку, а одному хорошему человеку, Патрицию, которого жена тоже после бани обыскивает, спрятал водку в банную сумку. Домой после закрытия бани отвез земляк, для которого по причине строгой завязки специально был куплен ящик минералки. Оставалось четыре ночи и три дня до банкета в Институте...

10. Последний банкет

Институт – это самое благословенное место на земле! А может быть и во всей Вселенной. Когда-нибудь тут, или в бане, или на пятаке, повесят мемориальную доску: «Здесь был Белый Кардинал». Но это когда-то, а сейчас в первую очередь надо пригласить всех с кем пил, а в первейшую очередь, с кем много пил, и пораньше, чтобы завязали и ждали... Люди, конечно, разные, это не баня. Пригласил просто хороших людей, с кем привык общаться. Всех логиков. М-да, вот здесь проблема, сложный контингент, одни гении, очень большая плотность на квадратный метр. Одни жены гениев чего стоят, способны абсолютно на всё. Но это неважно сейчас. Да и вправе ли судить? Сам урод. А Володю Шв., известного философа, профессора, пригласил самого первого, ещё за полтора года. Легендарная личность, вот уж человек попил! Но при этом – никаких остановок и кодировок. Чудеса, да и только. Однажды они вместе жили в одном номере гостиницы на конференции в Минске. Никто другой с Володей Шв. селиться не хотел. Сложно сказать, кому пришлось трудней, но там произошел один забавный случай. Когда Кардинал стал уже доходить (здесь тоже шла борьба с алкоголизмом, но еще более гнусным образом: в ресторане подпольно продавали бормотуху за бешеные деньги), его вывели на свежий воздух, чтобы хоть немного подышал. А тут как раз мимо гостиницы шел местный, остановился и спрашивает: «Белорусы есть?» «Да», – поднимая с трудом голову, произнес Кардинал. – «Откуда?» – «Из Могилёва, улица Кирова, около вокзала». Незнакомец посмотрел на него молча, открыл бутылку, достал из кармана граненый стакан и налил бормоты. После внезапного стакана мутило, долго не мог придти в себя, а когда очнулся, то благодарить было уже некого. А Володя Шв. в последний день конференции попал-таки на банкет и притащил оттуда бутылку водки. Когда на следующий день стали собираться, оказалось, что Володя Шв. пропустил свой вчерашний поезд. На перроне обратились за помощью к начальнику поезда. Совершенно пьяный Володя Шв. стал умолять посадить его в поезд, но при этом так раскачивался, что не удержался и упал на колени. Сцена получилась настолько впечатляющая, что сердце у начальника дрогнуло. Он махнул рукой и сказал: «Загружайте!». Оказались, как и предполагал Володя Шв., в одном купе, где Кардинал уступил ему нижнюю полку, а сам лег на своем любимом месте, на по-

лу. Правда, спал тревожно, поскольку за ним ночью из Минска погналась целая банда с ножами. На вокзале он одолжил у Учителя “чирик” и помчался на пятак. Там Акробат помог достать похмелки, но банда с ножами все равно настигла его дома, и пришлось срочно вызывать нарколога.

Это было давным-давно. Теперь он пригласил на банкет вместе с Володей Шв. 70 человек. А после того, как жена спросила: «Всех пригласил? Смотри, к тебе придут и те, кто услышит про банкет: все знают, что к тебе можно придти без приглашения, всё равно напоишь», – добавил еще 10 человек. В итоге набралось за 90.

Не без труда, попивая вино, все-таки выстоял эти три дня. И вот, началось. Из Киева приехал Толик И. с камерой и все что смог, снял (есть кадры, где они втроем, посередине Стаканбек). Столы в зале ломились от еды и питья, полное изобилие, куча цветов, а народ всё подходит и подходит. В президиуме Кардинал с супругой и начальством. Приехали братья из Белоруссии. Один из них, совершенно потрясенный увиденным, потом сравнивал банкет с античным пиром. Самое трудное на юбилее – это слушать хвалебные речи, дифирамбы, адреса. Одно спасение – быстрее напиться, и тогда все будет до лампочки. Но не слишком быстро, надо стоять.

И вот я стою, судорожно сжимая бокал с вином, в новом костюме, в свежей рубашке, в шикарном галстукке, а они всё говорят и говорят. Я, уже опьянев, ничего не слышу и думаю о своих друзьях, нет, не о тех, кто пришел, а о тех, кто никогда не придет, о тех, кто пропал, сгинул от водки. Как же много их погибло! Как могло такое случиться, что в первом же моем московском доме на Лялина, рядом с пятаком, погибли все, с кем пил. Вспомнились эти страшные ночи в ожидании рассвета, когда надо достать девять капель, чтобы скорее солнце взошло. И этот знаменитый чердак... Совершенно подавленный этими воспоминаниями, я перестаю понимать, что происходит. На помощь приходит Кардинал, и я кричу на весь зал его стихами:

*«Сегодня я достану капельку деньжат,
И, ангелам моим на зло, опохмелимся.
Вы слышите, стучит набат!?
Кто жив ещё из всех моих ребят?
Еще немного, и опохмелимся».*

И откуда силы взялись! Обошел почти всех, со всеми поговорил, чокнулся и выпил. И к нему подходили, чокались и выпивали. Поздно вечером помещение пришлось освободить, завтра с утра занятия (по удивительному стечению обстоятельств оказалось, что банкет Кардинала был последний в этом зале) и переместились в сектор. Остались самые стойкие и верные, только свои. Кардинал загрустил и прочитал для них:

*«И всё пройдет.
Тоска, хандра и замысел запойный,
Запой, любовь и головная боль.
И скроется во тьме стакан убойный,
И никогда не нужен будет алкоголь.*

*Протопаю назад, как ранее когда-то,
Свой выполню фатальный долг,
И скроюсь я во тьме без водки и без мата –
Там скажут мне, что это был ПРОЛОГ».*

Ночью жена поймала такси около Института и отвезла Кардинала с братьями домой. Тут же все они свалились спать. А он, дождавшись этого момента, нашел на кухне специально спрятанную бутылку вина, даже штопор был припасен, и стал пить, все время повторяя:

*«Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!»*

Праздник закончился.

11. Похмелье

Многие думают, что, вот, собрал человек людей на банкет, напоил, и всё. Нет, это только полдела. Интеллигентный человек должен еще потом народ опохмелить. Отчего людей помирает больше всего? От отсутствия похмелки или недопохмелки, я это по себе знаю. Просто всегда каким-то чудом выскакивал. Братья народ не пьющий, но всё равно повел их похмеляться, а на самом деле, чтобы самому выпить. А на следующий день, в четверг, было

заседание, на котором я даже очень и очень неплохо выглядел. Да, скрытые человеческие возможности и резервы пока еще не изучены. После банкета остался дорогой коньяк, полтора ящика водки, много вина и среди него ящик французского. После заседания всех опохмелил.

А завтра баня. Принес туда водки и опять же опохмелил всех желающих. Взял в баню подарок Стаканбека – большой пистолет-зажигалку, очень похожую на дуэльный пистолет, и уже совсем готовый стал там стрелять. Все посыпались, решили, что у Кардинала началась белочка. Нет, белочка началась на следующий день дома со стихов. Кардинал долго ждал и, наконец, дождался своего часа. Чем больше пил, тем больше хотелось читать проспиртованные стихи. Раньше, после таких стихов, я чувствовал себя так, как будто выпил, успокаивался, и больше не хотелось. Но сейчас было что-то другое, завод все больше усиливался, разбушевавшийся Белый Кардинал вырвался на балкон и вначале шепотом, потом все громче и, наконец, громовым голосом выплеснул в темноту на всю улицу:

*«Прочь, Гамлеты! Лапша всё это, братцы...
Хотите, я задам вопрос:
«Что будет, если я достану двадцать?..»
Как чешется опять мой нос!*

*Прочь, окаянные! С вопросом девичьим,
С утра бы бормотухи вам попить,
А то кривляются – за это вечность им,
А тут не знаешь, правда, как и быть.*

*Прочь, юродивые! С душой немытою,
А я свою совсем залил,
Эй, Гамлеты, давай в открытую:
Кто в этом мире из вас был?*

*Прочь, Гамлеты! Меня не трогайте,
Вопросы все остались позади,
Эй, смертные, в дорогу трогайте,
Пора уже и мне уйти».*

Пока ехал нарколог, я тихо сидел как оглушенный, и все время бормотал: «*А я свою совсем залил*». Потом после врача, когда пришел в себя, выпил много вина и, впервые после Благовещенья, купил себе на похмелье водку. Вино надоело.

12. В процессе

Произошла какая-то совсем непонятная вещь: всегда пил запоями, давно уже – истинными, т.е., необходимо было насильно прерывать, а тут вдруг перешел на каждодневное пьянство. Видимо, юбилейное напряжение было так велико, и эта необходимость в любом случае “стоять” так сильна, что стала меняться внутренняя структура.

Я всё время удивлялся, как это перманентные алкаши спокойно утром идут на работу, где-то в обед выпивают, а затем уже после работы. И так всю жизнь день за днем – никаких тебе наркологов, никаких белочек, никаких больниц. Правда, у них есть свои минусы: быстрее деградируют, мозг каждый день получает дозу. А вот у запойных периодически наступает просветление, но за это приходится дорого платить во всех смыслах, больше всего от бесконечных остановок страдает сердце, поэтому запойные и живут меньше. Да, нелегко так сразу поменять сложившуюся структуру, все равно еще пару раз пришлось вызывать, уже ставшего домашним врачом, Александра Владимировича. А иногда даже удавалось самому тормозить, что меня очень удивляло.

Если никто не знает, то мечта поэта заключается в том, чтобы проснуться дома с жуткого похмелья, а дома никого нет, зато есть, чем похмелиться. Это и случилось через два с половиной месяца после юбилея. Вначале робкая мысль, а потом все более нарастающая уверенность говорила, что дома есть похмелка и её много. Незаряженное ружье на сцене обязательно выстрелит, а тут в спальне под какими-то тряпками – огромная бутылка виски. Это не ружье, это страшнее термоядерной бомбы. Почему жена не отдала эту бутылку соседу или уборщице – непонятно. Устала, потеряла бдительность. Он боялся, что не сможет открыть пробку, так дрожали руки, но удалось. Попробовал, что-то сладкое, достал большой бокал с золотой каемочкой. Когда полегчало, позвонил Боре и спросил, сколько в ней литров. Сказал, что четыре с половиной и чтобы был поосторожней, издевается, что ли. Сколько выпил, не-

известно. Жена нашла его на балконе, он пытался там спрятать остатки и заснул. Почему не выпал с балкона, тоже непонятно.

Потом потянулись дни, вяло как в тумане. Время как будто стояло на месте, но разрушение шло стремительно и нарастало. Он перестал мыться, ел только руками, спал, не раздеваясь, и ничего нельзя было с ним поделать. Правда, пить старался только дорогую водку, но как-то вышел облом: в ночном магазине его заметили и продали паленую водку. После неё всего выворачивало наизнанку, и он совсем озверел: теперь после очередной дозы не чувствовал никакого облегчения, а только каждые полчаса, после глотка водки, издавал звериный рык. Раньше за ночные мучения и кошмары (бездны, заполненные змеями) утром была награда – полстакана водки, для начала, а теперь это уже не помогало, становилось даже хуже. Всё, конец.

13. Жена

Постепенно до него стало доходить, кто во всем виноват. Конечно, жена, все беды от нее. Сколько раз он из-за нее просто чудом не умирал с похмелья. Последний раз, когда после бани забрала его на дачу, из-за бутылки пива, всего лишь из-за одной бутылки пива, устроила жуткий скандал. Через день надо ехать обратно, а сил уже никаких, умолял купить пива – ни в какую. В электричке стало замыкать сердце. Тут помогает только одно средство, стихи Кардинала, которыми он себе пророчит гибель в 1987 году:

*«В двух тысяча двенадцатом году
Рассеются земные наваждения,
И в этот час я в гроб сойду,
В двух тысяча двенадцатом году...»*

А шел, между прочим, только 2006-ой. Выходит, что оставалось мучиться с ним еще шесть лет. Выйдя из метро, сказал, что с желудком плохо, и побежал, чуть не сбили на перекрестке. Ворвался в магазинчик около дома, и задыхаясь, попросил: «Арам, бутылку, деньги отдам». Стоявшая в очереди старуха тут же набросилась на него: «Пьянь, проклятая, мало того, что без очереди, так он еще и без денег!». Схватил бутылку и к себе, едва успел глотнуть и спрятать, как влетела жена. Опоздала голубка, он уже в

норме, безумие прошло, сердце успокоилось, предсмертная бледность спала. А, ведь, мог помереть из-за нее раньше времени, Да еще врет все время, сколько раз денег просил, и всегда говорит, что нет. И что-то уж слишком часто стала общаться с Александром Владимировичем. Прошлый раз, кажется, переглядывались, да, точно, и не только переглядывались, но еще шептались и как-то странно на него поглядывали. Сколько же можно терпеть! Все время обыскивает, деньги отбирает, водку прямо в раковину выливает (!) Как-то пришел из бани, лег спать, а уже начатую бутылку спрятал под одеяло. Все равно учуяла. Такое бешенство охватило, вскочил с постели, бутылку разбил, схватил стул и со страшной силой вдребезги разнес об пол. Пришлось, хотя было уже совсем поздно, срочно уезжать на такси к приятелю ночевать и похмеляться. И что это за жизнь: все время прятаться, прятаться, прятаться. И тут вдруг его осенило. Ведь, он попал в СКЛИФ, где чуть было не погиб, тоже по её вине. Хотя в тот день она сама была в больнице, но и оттуда ухитрилась руководить той силой, которая покалечила ему ногу. Вот, что оказывается!

И, правда, разве это жизнь. Приводят из бани, и пока Однополчанин отвлекает внимание жены, нужно за несколько секунд спрятать спиртное. Перед баней прятать нет смысла, все равно найдет. Почему нельзя придти спокойно домой, достать из холодильника вспотевшую пол-литру, бутылочку минералки, огурчик, взять рюмку и как человек, после хорошей баньки культурно выпить, а не глотать всякую дрянь из горла. И никого, никого уже давно нельзя привести домой. Последний случай, кажется, был, когда Генуар приезжал, однокурсник. Поскольку давно не виделись – пригласил к себе отметить встречу. Генуар в свое время дослужился до старшины, в морской пехоте был, потом стал полковником милиции. Но и Кардинал не лыком шит, тоже старшина, спецучебку заканчивал. Стали друг против друга, отдали честь, правая рука у виска – и стали пить гранеными стаканами водку, на спор, кто упадет первым. А сейчас никого.

И вдруг вспомнил, что еще она хотела его взорвать. Однажды так похмелился, что стал падать на улице, забрался под машину и отключился, а проснулся от того, что машина чуть не раздавила. Пришлось переползти в бурьян у дороги. Ночью добрался домой и свалился спать. Жена на даче. Проснулся и в темноте добрался до кухни в поисках спичек, и только хотел чиркнуть, как услышал сильное шипение газовой конфорки. Оказывается, газ шел уже давно. Еще бы немножко, и конец. Не мог же он сам придти и от-

крыть конфорку. От него уже давно хотят избавиться, обложили, как волка, и все заминировали. И это не единственный случай, когда из-за неё мог погибнуть. Стопроцентный был, когда зимой защищал диссертацию мой друг-однокурсник, Володя Н. Вместе прошли несколько стройотрядов, одно время вместе работали в Институте, а тут гулянка, но далеко, в районе ст. “Правда”. Жена знала, что поеду в любом случае, и ни о чем не просила. Никто за язык не тащил, но сдуру пообещал, что ночевать приеду в любом случае. Уже было совсем поздно, народ стал падать, когда вдруг вспомнил про свое обещание, и решил хоть раз в жизни его исполнить. Вскочил, побежал и каким-то чудом на автопилоте добрался до станции. А электрички уже не ходят. Мороз жуткий, наверное, градусов под тридцать. Пошел назад, но поскольку эту дорогу даже трезвый с трудом мог найти, то, конечно, заблудился. Когда понял, что дело совсем плохо, зашел в какой-то подъезд, совсем ледяной и позвонил в несколько дверей, чтобы позволили хоть немного согреться, никто не открыл. Пошел снова искать дорогу, последнее, что помню – стало как-то безмятежно и спокойно... Очнулся на снегу, как от толчка, у знакомого поворота, который вел прямо к дому друга. Прокантовался немного на квартире – и в Машковские бани на целый день. А жена даже не спросила, где столько времени находился. Может, надеялась... Сколько было смертей, но это самая реальная. Кто перенес и сохранил жизнь, догадаться не трудно, мучил совсем другой вопрос – зачем?

А вот этого никогда *не прощу!* Ну, нажрался в бане перед самым Новым годом, с кем не бывает. Днем каким-то чудом продержался, но вся фишка в том, что назавтра у жены день рождения, юбилей, праздник души, халявная выпивка. И вот наступил этот счастливый день, стол стали накрывать, осталось чуть-чуть продержаться. Похмелиться-то удалось: накануне проявил невиданную силу воли и немного оставил на утро. Выпил, но надо срочно добавить. Стал мотаться по всей квартире в поисках где-нибудь спрятанной водки. Только в туалет раз десять заходил, там в сливном бачке был спрятан “мерзавчик”, но, видимо, уже выпил. И вдруг звонок в дверь, знакомый голос нарколога, оказывается, жена вызвала. Усыпили на двое суток. Так и не удалось погулять на дне рождения. Чудовище!!! А ведь когда-то даже стихи ей посвящал:

*«Я все прошу!
Прошу тебе ненастье,
В ненастье – страстный миг любви.
О, если б знала ты, как я несчастен,
Проснувшись утром, быть без бормоты».*

А одному, Господи, как хорошо будет одному! На свободу хочется, как хочется на свободу!! Надо кончать с ней. Кое-как с этой мыслью удалось успокоиться и заснуть. Рано утром жена будит, говорит, собирайся, в больницу едем, такси уже ждет. Честно говоря, даже обрадовался, думал, сразу с юбилея в больницу попаду, а тут вон сколько протянул. Нашел спрятанную водку, опохмелился и провалился в забытье, наверное, много было. И отвезли в новую знаменитую больницу.

14. Валькирия

Картина та же самая: одни наркоманы, ползающие как мухи, и небольшое число алкоголиков, которые, в отличие от первых, придя в себя, даже на сестричек начинают поглядывать. С утра капельница, уколы, четыре раза в день разноцветные таблетки целыми горстями – полное отупение. И везде железные решетки. На третий день, когда немного пришел в себя, встретился с лечащим врачом. Говорит, что у нас уже вторая беседа. Первая, оказывается, была, когда привезли. Внимательно посмотрев на Анастасию Владимовну, я так и ахнул: Бог ты мой, да это валькирия! Героиня древнего германского эпоса и опер Вагнера: такая же высокая, стройная, белокурая с холодными синими глазами. О, в такую и влюбиться можно. На всякий случай поинтересовался, не замужем ли, оказалось, что нет, еще сообщила, что пишет диссертацию. Вот тут ей очень повезло с Кардиналом. Спрашивает: «Есть ли какие-нибудь вопросы?» А как же, все последние годы мучает один и тот же вопрос: «Есть у меня друг, Стаканбеком зовут, вместе в общежитии жили в одной комнате, всегда пили одно и то же. Учились одному тому же и у одного и того же человека. У меня запои, а ему хоть бы что. И пьет столько же». Задумалась, говорит, на эту тему тоже есть диссертация. Вот почитать бы.

Самый необходимый курс лечения для алкашей – 21 день. Если не хочешь лечиться, уходи, отпускают моментально, но день-

ги не возвращают. За нарушение режима выгоняют. Опять видел, как наркоманы соорудили “коня”. На второй раз поймали, но поскольку никто не успел уколоться, обошлось. На десятый день, а с очень хорошим поведением и раньше, выпускают на один час погулять, предварительно взяв подписку, что тут же не нажрешься. Выпустили меня позже всех, сложный пациент оказался – расписался не своей подписью, а Кардинала. Тут же пошел в магазин за сигаретами, а там пиво в разлив продают. Долго боролся с Кардиналом, но решил не рисковать, а купить побольше чая. Как пронести чай в больницу, научил сосед по палате, полковник ГРУ. Да, мастерство не пропьешь! Зауважал он Кардинала, когда тот угостил его чифирем, приспособившись делать его в сложнейших условиях. С полковником и с еще одним алкашом, мелким бизнесменом, специалистом по распространении порнографии, коротали время за преферансом. Потом попросил жену принести евангелие. Видел, что кое у кого иконы стоят.

Валькирия послала к невропатологу, которая раньше работала в поликлинике МГУ и к которой сами врачи боялись ходить. Невропатолог с улыбкой, за которую другого тут же отправили бы в 13-ю психбольницу, обнаружила у Кардинала, как последствия алкоголизма, полную нечувствительность левой стороны тела. Не стал объяснять, что вследствие алкоголизма, у него не один раз была сломана левая нога и левая рука. Да еще, полностью отсутствует ориентация в пространстве. Ещё бы, если тебя шлепнула молния! Хорошо, что про время спросить не догадалась... И всё это надо срочно лечить. А её когда будут?

Первый же обход больных совпал с пятницей. Главврач спрашивает: «Какие у вас пожелания?». – «Да, есть просьба, отпустить в баню». – «А что Вы там делаете? – настороженно спрашивает начальница. – «Как что? Паримся до потери сознания». И вдруг крик: «Что Вы себе позволяете? Вы знаете, где Вы находитесь и кто Вы такой?». В баню не отпустили, но взяли на заметку. Валькирия жаловалась потом одному заслуженному наркоману, что больше всего хлопот вышло именно с Кардиналом. А во время одной из бесед он обнаружил в прекрасных глазах Анастасии Вадимовны глубоко спрятанные льдинки, и не случайно. После первых десяти дней лечения валькирия приступила к исследованиям и экспериментам, ей бы в Освенциме работать. Однажды от разных таблеток мгновенно поднялось давление за 200, подскочила температура и началась жуткая дрожь. Вызвали дежурного врача, а он пришел только через час. Думал, конец, и, как глупо, не на боевом

посту, не с граненым стаканом в руке, а в больнице от каких-то таблеток. И после этого Валькирия даже не пришла узнать, как он себя чувствует. Так обиделся, что объявил голодовку, после чего всё-таки удалось с ней пообщаться. Следующий эксперимент закончился приступом печени, а под конец, этот отколовшийся от Северного полюса айсберг, уговорил Кардинала сделать какой-то укол, всего-то длительностью на три недели. Почему и согласился.

Цикл лечения в этой больнице считается успешным, если пациент соглашается на кодировку перед выпиской. Кардинал наотрез отказался, объяснив Валькирии, что смысла никакого, хоть и бесплатно, уже было 17 раз. Но та созвонилась с женой и убедила ее, что кодировку делать надо, несмотря на предыдущий укол. Жена уговаривала, как могла, но Кардинал отказывался изо всех сил, и на это были веские основания: от сделанного валькирией укола началась ужасная болезнь “гиперкинез”, да и, как ни крути, тяжело после кодировки пить водку. Но когда жена изменилась в лице, замолчала и стала уходить, он не выдержал и набросился на Кардинала: «Скотина, ё... Ну, что тебе одной кодировкой больше, одной меньше, ... все равно на следующий день нажрешься ...». И, правда, смешно как-то стало, да, пусть хоть весь ассортимент кодировок сделают. Вкололи, но “провокацию” не стали делать, испугались за сердце.

Прощаясь с Валькирией на выписке, заметил у нее в вырезе халата тельняшку, которая ей очень шла. Так и есть – морская пехота! Только рядом с ней вся морская пехота отдыхает...

15. Гиперкинез

Вот, ведь, как бывает! Привезли в больницу пьяного, но здорового, а выписали трезвого, но больного. Гиперкинез – это непрерывное движение, когда ходишь по комнате, не зная ни минуты, ни *одной* секунды покоя. Пошел в баню, но там даже играть в домино не смог. Это можно вынести день-полтора, а тут уже неделя. Жена сказала, что звонила Валькирия. Ну, еще бы не звонить. В последний день, видя, что с ним делается, выписала рецепт на “Акинетон”, почти наркотик, а от него только хуже. Это ж надо, из Белого Кардинала сделала подопытного кролика! Каждый раз к вечеру, совсем обессилив, жалел, что не поехал в больницу, но утром одна мысль о том, что придется просить Валькирию помочь,

была невыносима. Нет, мужиков должны лечить наркологими-мужики. Кстати, зав. отделением был мужчина, и хотя общался с ним только при выписке, понял, что он, пусть без особой любви относится к алкашам, зато с пониманием, и еще подумал, что Валькирия, наверное, его подсиживает. Сколько раз хотел позвонить ей и все сказать... Дошло до того, что, как при дембеле, стал считать оставшиеся дни. И выдержал *три недели!*..

Зато началась чудовищная бессонница. Никакие таблетки и травы не помогали, оставалось последнее средство – немного выпить, чтобы заснуть. А тут как раз в сентябре очередной банкет в бане: день рождения у Бори. Как всегда, всей баней скинулись на подарок, но кроме этого хотелось что-то подарить от себя. И нашел: подарил ему упаковку “Тройного” одеколона, пусть похмеляется, это не 5-ти литровая бутылка виски, сразу не выпьешь. Кстати, “Тройной” одеколон – один из символов перестройки. Перед тем, как 17 мая 1985 г. вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», заранее объявили, что будет увеличено производство пива, а бормотуха, т.е. плодово-ягодные вина, совсем исчезнет. Тогда он по наивности обрадовался, бормотуха совсем достала. Но, как всегда, соврали: сразу же начали с сокращения выпуска пива и закрытия пивных точек. Какой трагедией стало закрытие точки “на Лялина”! И прямо на глазах росли подпольные бандитские мафии по сбыту алкоголя. Водка по талонам, которые нельзя было отоварить, стоила 10 руб., а у них 40! Да, еще за сороковник ночью вместо бутылки можно в глаз получить, если у незнакомых покупаешь. Вот тогда-то самым желанным напитком и стал “Тройной” одеколон, но и он быстро закончился. Сколько же народу тогда вымерло! Говорят, что это не жильцы были, но ведь люди, измученные больные люди. А после “огонька” у Бори всё закончилось, как всегда... И бессонница стала еще сильнее.

И вдруг до него дошло, что все это неспроста, что это не какая-то там злобная врачиха, и даже не бедная жена, а весьма могущественные силы объявили ему войну, настоящую войну. Войну он любил, война одушевляет, дает силы, толкает на подвиги. «Значит, Кардиналу объявили войну», – думал он, приходя в сильное возбуждение, – о, они не знают, на что я способен. Значит, война. К этой проблеме нужно подойти чисто логически, – продолжал он рассуждать, – чего они меньше всего ожидают? Того, что бессонницу я усугублять не буду, водки боюсь, как огня, скорее всего, опять лягу в больницу, а там они меня и прикончат». Значит, надо

напиться, но не как алкоголик, а впервые за многие-многое годы, как нормальный здоровый человек. И не шарахаться от бутылок водки, не считать количество выпитых рюмок, а спокойно, с чувством глубокого человеческого достоинства выпить столько, сколько войдет. Без всякого комплекса неполноценности. А тут как раз еще один банкет на носу: другу из бани, Жене, – полтинник. Это он сорвался с командировки на юбилей к Кардиналу и подарил бочонок импортного пива. Большой человек, во всех смыслах, мастер по граниту.

И произошло нечто удивительное: сколько не пил, не пьянел, как когда-то в далекой молодости, даже поспать немного удалось. Завод начался на следующий день, к вечеру, на даче. Спрятанная бутылка водки быстро закончилась. Последнее время в маленьких магазинах водку запретили продавать, но из-под полы с наценкой везде можно купить. Жена дважды разбивала бутылку, только на третий раз удалось пронести водку с дурацким названием “На березовых бруньках”. Хоть с привкусом, но пить можно. А на следующий день – остановка. Затем опять приехал Александр Владимирович, но уже для очередной кодировки (№ 19), и как постоянному клиенту сделал скидку. А цены уже давно перешагнули за 3 тыс. руб. Поскольку в день кодировки не выдержал и немного похмелился, пришлось повторить капельницу, но это уже было в последний раз.

В тот день с утра звонили колокола в честь большого праздника – «Покрова Пресвятой Богородицы».

16. Депрессия

Некоторые думают, что депрессия – это когда ничего не хочется делать. На самом деле, всё гораздо хуже: это абсолютная уверенность в том, что уже никогда ничего не будешь делать. Всю жизнь проявлял невероятную изворотливость, изобретательность в поисках похмелки, крутился как загнанный волк перед красными флажками. А сейчас совершенно ничего не нужно и абсолютно ничто не интересует. Стал ходить за женой и беспрерывно повторять: «Что мне делать?» Жить с ним стало невыносимо. Вот что такое депрессия!

В кабинке у главного парильщика всегда пьянка. Как-то подошел, тут же угостили. Выпил две рюмки водки, меньше, чем сто

грамм, и сразу же запрыгало сердце, вот-вот выскочит, в голове стучит, как на наковальне, по всему телу пошли черные пятна. Надо было бы срочно вызывать “скорую”, но перед ребятами стыдно: от двух рюмок водки! Закрыл глаза и приготовился... Когда пришел в себя, понял: с водкой покончено, пил ее последний раз в жизни. Всё, остался один на один с собой. И больше никого. А где же Белый Кардинал?

Мысль о самоубийстве, когда она навязчива, очень неприятна. Нельзя не думать о том, о чем думать нельзя. Скоро мысль о суициде стала неотвязной, более того, он казался единственным спасением... Нашел лезвие, и стал носить на всякий случай с собой. Очень мучила мысль, что вдруг что-то произойдет на улице, и останешься без лезвия, да еще ходить не сможешь. Значит, надо достать еще одно и спрятать в постели. С каждым днем становилось все хуже и хуже: накрыл какой-то панцирь, и мысли наружу уже не пробивались. Было ясно, что уже никогда не пробьются, агония слишком затянулась. Надо с этим кончать. На память пришли стихи Белого Кардинала, оказывается, он всё время был рядом:

*«Смерть осенью – прекрасное начало
Для дальних странствий по иным мирам,
Когда душа вконец устала,
Справлять поминки по друзьям».*

Был уже вечер. Напоследок нажал какую-то кнопку на телевизионном пульте, который все время держал в руках, убивая время. На экране шел разговор о самоубийстве с христианской точки зрения. Большой грех, самый страшный грех: восстание против Бога и отрицание Христа. Хуже, чем убийство и кара за это – вечные, ни с чем несравнимые муки. Поневоле задумаешься: это что же, выходит, можно зарезать уйму народа, а потом исповедаться, причаститься – и вот тебе панихида, пышные похороны, пьянка на весь мир. А если не принимаешь ада на земле, вся жизнь – крошечный ад, и уходишь, то тебя после этого даже похоронить нельзя по-человечески. Правду сказано, что Бог борется с дьяволом, а поле битвы – душа человека. Но если это происходит в невидимом тонком мире, то здесь, в реальности маленькая хрупкая женщина один на один сражается с четырехметровым чудовищем. И, ведь, побеждает.

А как страшно всё начиналось. Тогда на свадьбу пригласил весь стройотряд и однокурсников. Сам купил два ящика водки, и они принесли в подарок ящик. Накануне свадьбы сбежал к своему свидетелю, Графу, и допился до свинского состояния. Во время свадьбы уже “готовый” встал и стал читать стихи Гумилёва про «Еще один ненужный день...» А повсюду друзья, друзья, друзья. Лэн приехал из Могилёва, Толик из Киева, со Славой познакомился, который первым упал под стол, и некоторое время там лежал в расхристанной белой рубахе. Тогда я еще не знал, что это мой шурин, но тому, что уже начали падать, ничуть не удивился. И про свадьбу забыл...

17. Новая структура

Наступил 2007 год. Впервые в предновогодней бане не напился, впервые за много лет. Новый год прошел нормально, и 1 даже января был трезвым, хотя год наступил не простой, а *юбилейный*: 27 января Белому Кардиналу исполняется 25 лет, надо бы отметить. По привычке написал Толику в Киев, предупредил Мишу из Питера, позвонил Стаканбеку.

Но накануне юбилея почувствовал: в мире что-то произошло, определено что-то случилось, только нельзя было понять, что. И передачи по ТВ, по радио “Свобода”, и поведение жены, были такими же, как всегда, но мир как будто изменился. Наконец, осенило – это он сам стал другим, менялась его собственная структура. Юбилей отменил, не видя в нем никакого смысла и совершенно не понимая, зачем и кому он нужен. А однажды, взглянув на винные полки в магазине, вдруг обнаружил что-то совсем невероятное: *вся водка превратилась в воду (!)*

И наступила первая нормальная весна. Раньше, войдя в пике уже в конце февраля, неизвестно на каких бровях вползал в июнь. А тут весны даже не заметил и впервые не справлял дня рождения. Да, и что, собственно, справлять? На работе поставил бутылку коньяка, в баню купил водки, а сам даже не прикоснулся. Правда, пришлось приложить немало усилий, чтобы отстоять свое право на нормальную жизнь: выпивать немного сухого вина на официальных приемах, и немного пива в бане. Алкоголизм, конечно, болезнь хроническая, но если исчез Кардинал, то и похмеляться некому. Правда, однажды чуть было не сорвался: умер друг, Колян.

Он также приходил в баню с утра на весь день, раздевались в одной кабинке, на пару играли в домино. Колян тоже был закодирован, но в последнее время начал принохиваться к пиву, а в следующий раз взял и отхлебнул у меня из кружки. По дороге домой купил еще, добавил и погуб в запое. Новость пришла в баню неожиданно, и я, чувствуя себя виноватым, хотел было выпить водки, но Боря даже не пустил в кабинку, где поминали. Так и не дали, а Коляну скинулись на хороший гранитный памятник.

Теперь пора было съездить на родину в Могилёв, сходить на могилу матери и друга юности, Лэна. Когда три года назад смертельно заболела мать, братья звать не хотели, хорошо помнили, каким я был на похоронах отца, но Лэн узнал и позвонил. Как раз был трезвым, быстро собрался и поехал, но на третий день братья всё-таки погрузили меня в поезд и отправили обратно. Помню, что подъезжая к Орше, очнулся, здесь к поезду всегда подносили водку, из носка достал спрятанные сто рублей и купил бутылку. Алкоголизм приводит к деградации, а абсолютный алкоголизм – к абсолютной деградации. Через три дня позвонил брат и сказал, что мать похоронили. Но в душе уже давно все выжжено. А позже, в разгар осени, сообщили, что похоронили Лэна. Когда последний раз договаривались о встрече, Лэн очень просил, чтоб был трезвым, хотел сказать что-то важное. Но о чем он говорил, я так и не вспомнил.

Как-то так получается, что при жизни мы не успеваем сказать друг другу самого главного. Не удалось матери при жизни увидеть меня трезвым, разве, что в юности. А вот теперь я стою на её могиле таким, каким хотел бы с ней встретиться. Но она об этом уже никогда не узнает... А вот и могила деда, деревенского священника – на фотографии он в черной рясе с большим крестом. Его именем назвали моего брата-близнеца, Василия, но это не помогло, брат спился и погуб в молодости. Лицо деда на фотографии, так похожее на лицо матери, смотрит на меня без упрёка и как будто говорит: «Не тревожься. Мы знаем, мы всё про тебя знаем...». Теперь остается могила друга, Лэна. С ним вместе учились в техникуме, вместе ушли в армию и вместе вернулись. С друзьями всегда везло, но это был один из лучших. Только здесь я не смог сдержаться слез, и чтобы успокоиться, пошел бродить по улицам.

Друзья детства давно погибли, и я даже не знаю, где они похоронены. Вот здесь когда-то был родительский дом, его разрушили и построили ненужные ясли, сейчас пустые, потому что детей нет. Вот рядом с бывшим домом школа, где я как-то на перемене

стрелял из дробовика в пролетающую ворону. Она тоже пустая, и давно закрыта – учить некого. А чуть подальше дома – машиностроительный техникум, тоже бывший, теперь переименован в колледж. Здесь было то, что осталось в памяти навсегда: новые друзья, первая любовь. На выпускной фотографии, которая хранится дома, такие у всех одухотворенные и чистые лица, каких больше нигде и никогда не видел. Но почти все спились, деградировали, выпали в осадок, мало, кто остался в живых. А вот и бывший привокзальный ресторан “Свинная харя”, как его в свое время прозвал Лэн. Превратился в обычное кафе. Отсюда как-то с братом-близнецом попали в вытрезвитель, и после этого на воле больше не виделись, потому что брат вскоре попал в тюрьму. Нет, была ещё одна встреча, последняя, на свидании в тюрьме.

Прямо к “Свинной харе” подходит до боли знакомая улица Гришина. Здесь жила Вероника. Дрожа от волнения я дошел до того места, где стоял её дом, теперь сгоревший, и остановился у канавы. Закурил. Канава, как канава, ничем не лучше и не хуже других канав. Почему-то даже обидно стало, и тут я вдруг понял, что это та самая канава, в которой меня очень давно обнаружила Вероника мертвым. А где же тогда я сейчас нахожусь? За спиной послышался шум проходящего автобуса, восьмерки. Я обернулся, и там в окне увидел человека очень похожего на меня: такая же борода, продолговатое лицо, голубые глаза, только улыбается как-то странно. Побежал было за автобусом, но куда там, разве догонишь. Как же так получается? Один пьяный умер в канаве, другой, совершенно трезвый, стоит сейчас над ней, а третий проезжает мимо в автобусе и ухмыляется... Я стал озираться кругом и понял, что всё это призраки, город полный призраков и теней. Бежать, сломя голову бежать отсюда, как сделал это в юности. И остался жив!

* * *

Середина лета, дача, тишина и покой. Закатное солнце освещает на столе под яблоней фрукты и бутылку вина. Мы с женой отмечаем годовщину свадьбы. Только теперь, ровно через тридцать лет и три года, эта светлая картина одного из возможных миров проступила сквозь мрак и хаос прошедших лет. Что же это было, все эти годы? Столько лет! И где же Белый Кардинал в сво-

ей тоске небытия? Неужели отступил, бежал, проиграл в последней схватке с Валькирией? Она, конечно, молодец, профессионал, единственная, кто догадался, что надо бороться с причиной, а не со следствием. Но как она могла пойти на такой риск, ведь не только меня, но и себя могла погубить? Отчаянная женщина. Оказывается, если очень хотеть, то можно победить даже Белого Кардинала! Хотя других вариантов уже не было. А в итоге – новая структура. Так бывает от удара молнии, попадет в человека – и всё в нем меняется. Когда же это было со мной? Более пятидесяти лет назад. И вот теперь я вернулся к своему естеству.

А сейчас, под вечер, тоже собирается гроза. Я стою на балконе и повторяю про себя стихи, но уже не Кардинала: *«Жизнь вернулась также беспричинно, как когда-то странно прервалась...»* Где он сейчас и что с ним стало? И словно в ответ на этот вопрос поднимается свежий ветер, сверкнула молния, одна, вторая и, наконец, слышится запоздалый раскат грома. Раньше, после той страшной грозы в детстве, я бросался закрывать все окна и форточки, а сейчас я открываю их настежь и жду чего-то. Сверкают молнии, всё наэлектризовано, приближение грома всё ближе и громче. Я жду, в нетерпении, вот-вот это произойдет, и, наконец, в раскатах грома слышу знакомый голос:

*«Пройдет столетий, сколько капель в море,
И он придет к кому-нибудь домой
С тоской поэта в бесконечном взоре:
“Единственный, – он скажет, – я с тобой”».*

PS. Всё вымысел, конечно, вымысел.
Фантазия больна.

*Май 2008 (январь 2011),
Москва*